

ОТРЕЧЕНИЕ

Всем хотелось играть в футбол, и только Феликс настаивал на том, чтобы бежать наперегонки.

— Кто здесь главный? — закричал он, покраснев и весь дрожа, и метнул такой взгляд, что тот, на кого он упал, поторопился смешаться с кучкой друзей.

— Кто здесь главный? — были первые слова, с которыми он, только поступив в школу, обратился к ним.

Все оторопело переглянулись. Какой-то долговязый олух, смерив тщедушного подростка, попробовал было хихикнуть, но Феликс неожиданно схватил его за шиворот и согнул в три погибели.

— А больше ты ничего не можешь? — прохрипел укрощенный, чуть ли не касаясь носом земли.

— А ну наперегонки! Тогда увидим.

— Валяй, беги! — закричало большинство.

— Ну, кто еще против? — спросил Феликс, гордо выпрямляясь и оставив одну ногу.

— Мне все равно, — лениво сказал толстый Ганс Бут.

Другие поддержали:

— Нам тоже.

Началась толкотня, и кое-кто перешел к Феликсу. Тем, кто выстроился за его противником, стало страшно — такой ненавистью загорелись его глаза.

— Я запомню каждого! — презрительно крикнул он.

Еще двое перешли к нему, потом еще двое. Бут с

независимым видом крутился подле тех и других, но, получив оплеуху от Феликса, поспешил к нему присоединиться.

Феликс шутя одержал победу. Ветер, несущийся ему навстречу, казалось, звенел в ушах бодрящей мелодией; и когда Феликс вернулся, опьяненный быстротой, от которой кровь стремительнее бежала по жилам, он уже твердо верил в свои грядущие победы. Пожав плечами, он рассмеялся в лицо противнику, обещавшему посчитаться с ним на футбольном поле.

Однако в следующий раз, когда он поколотил кого-то, кто отказался выполнить его приказ, ему просто повезло, и он знал это. Он уже начал сдавать, но в последнюю минуту вырвался и дал противнику ногой в живот так, что тот свалился. И хотя враг лежал поверженный, Феликс, глядя на него сверху вниз, все еще ощущал головокружение от той неверной минуты, когда его слава и власть висели на волоске. Глубокий вздох облегчения и торжества... но кто-то буркнул: удар в живот не считается. Да-да, отозвались другие, он просто струсил. И снова надо было бороться против толпы и добиваться ее признания.

Для большинства, правда, достаточно было грубого окрика. С двумя-тремя — Феликс знал это — ему еще предстоит помериться силой; остальные покорились. Порой он сам удивлялся — конечно, не в школе, где задача главенствовать постоянно держала его в напряжении, а дома, — удивлялся тому, что они повинуются. Они же сильнее! Любой из них сильнее! Толстяку Гансу Буту, казалось, и в голову не приходило, что у него есть мускулы! И он тоже был этакой бесформенной глыбой, из которой можно было лепить что угодно. Феликс был одинок; дух его беспокойно кружил над этой мелюзгой, а руки возбужденно лепили какие-то образины и оттачивали их прочь.

Он придумывал для них удивительные прозвища и почти всех наделил ими, а когда новый учитель стал спрашивать, как их зовут, каждый должен был назваться своим прозвищем: Бифштекс, Гад, Макака. Вот встал одетый в английский костюмчик Веек и отрекомендовался Бифштексом; сын бургомистра Граупеля обо-

звал себя Гадом, потому что так приказал ему Феликс. Сам Феликс ходил в перелицованной курточке. С тех пор как во время их странствий погиб отец,— Феликс мог лишь догадываться, при каких обстоятельствах,— они с матерью ютились в трех жалких комнатках в этом городе, где он делал что хотел.

Но если он награждал товарищей презрительными кличками, то для учителей находил и вовсе невыносимые. Их стыдно было произнести вслух. Зато учителя чистописания, над которым кто только не измывался, он заставил уважать. Запугиванием и насмешками он ввел моду не готовиться к урокам математики. Но когда учитель, которому, видно, кто-то донес, заявил классу, что к лености их может склонять только совершеннейший тупица, Феликс за неделю добился высшей отметки и хвастал, что это ему нипочем. На самом деле это стоило ему невероятных усилий и все в нем кипело. Учителю, который пытался завоевать его хорошими отметками, он отвечал усердием, но оставался неприступным.

Он настоял, чтобы к следующему уроку накалили железную линейку. Дело происходило за гимнастическим залом. Желая доказать сомневающимся, что учитель, увлеченный объяснением урока, схватится всей рукой за линейку, Феликс и сам взял ее в руки и сразу же отскочил. Все рассмеялись.

— Не рой другому яму,— сказал кто-то.— Сам-то не можешь выдержать!

Глаза Феликса, обегая круг товарищей, потемнели. Когда раскаленную линейку, придерживая щепками, внесли в класс, он молча шел сзади.

Все сидели за партами. Послышались шаги учителя, но тут Феликс взял линейку с кафедры и сунул ее себе за расстегнутый ворот. Шепот пробежал по классу. Что с ними такое, и почему никто не слушает? — спросил учитель. Феликс сам вызвался к доске и отвечал урок побледневшими губами. Потом, когда он уже сидел на месте и судорожно и одиноко улыбался, в его помутившемся от боли сознании мелькало, что все они, кого он не удостоил и взгляда, покорные, с восхищением и ужа-

сом смотрят на него из-за раздвинутых пальцев, а он выше их всех и безгранично их презирает.

— Огонь не для вас,— заявил он, придя через три дня в школу,— а вода, пожалуй!

И он открыл кран.

— Бут! Ступай под душ!

Бут лениво подставил голову.

— Беек, Граупель!

Они подходили. Один за другим с лакейской услужливостью подставляли они голову под струю, глупо улыбаясь: ведь каждый предыдущий делал это; к тому же это могла быть и шутка,— ведь Феликс восставал против благоразумия и приличий.

Когда классный наставник, рассерженный тем, что со всех вихров капает, начал безуспешно допытываться, кто зачинщик, поднялся Феликс.

— Это я их крестил,— хладнокровно пояснил он и получил шесть часов карцера.

Он поднялся и тогда, когда кто-то запел «кукареку» и не захотел сознаться. А между тем кричал не он. В следующий раз его записали в классный журнал за то, что он открыл грамматику ученику, который стоял сзади и отвечал урок. Раз он их тиранил, то считал себя ответственным за их провинности и их благополучие. Он терпел подле себя только рабов; но там, где командовали другие, ревниво оберегал их достоинство.

Сынок крупного помещика, недавно поступивший в школу, попробовал было задаваться. Феликс подошел в ту минуту, когда тот, стоя в кружке любопытных, объявил свою руку радиусом и внезапным круговым движением смазал их всех по физиономии.

— Что за негодяй надавал вам пощечин? — закричал Феликс распалившись.

— Поберегись, дружок! — сказал молодой граф, оглядывая его сверху донизу.

Феликс вне себя замахал руками.

— Можешь говорить так со своим скотником, а не со мной, не со... — Он не мог продолжать.

— Верно, по взбучке соскучился? — спросил его враг.

Круг разомкнулся и отступил.

— А ты? — подскочил Феликс и вдруг, овладев собой, сунул руки в карманы. — Взбучка от меня — слишком много чести, лучше я прикажу тебя поколотить! — И к остальным: — Всыпьте ему как следует. Ну? Ведь он оскорбил вас. Или вам это все равно? Так он и меня оскорбил. А вы меня знаете. Ну?!

Под действием его слов, его взглядов они засуетились. Озираясь друг на друга, ища спасения в круговой поруке, они все разом бросились на оскорбителя своего господина. Тот упал. Успех придавал им силы. Феликс, прислонясь к стене, наблюдал эту сцену.

— Довольно! Он уже в крови! А теперь помирись!

Ошеломленный новичок был принят в компанию и стал вместе со всеми учиться смирению.

Феликс неустанно муштровал их. Тот, кому он крикнет: «Прощай!» — должен был бежать со всех ног; а на вопрос: «Как поживаешь?» — следовало отвечать: «Так себе», на что Феликс, скривив губы, ронял: «Оно и видно».

Одному мальчику он приказал, как стемнеет, пойти в город, всю дорогу молчать и у определенного дома остановиться за нуждой. Страх, что любое послушание каким-то чудом станет известным Феликсу, держал их в узде, и чем больше его приказы противоречили здравому смыслу, тем неукоснительнее они выполнялись. Молодой граф дошел до того, что ровно в четыре часа один в своей комнате принимался размахивать палкой и тридцать раз подряд кричал «ура». И на каждое «ура» его товарищ, стоявший перед домом, должен был орать: «Болван!»

Толстяку Гансу Буту было приказано забираться на большой перемене в пустой класс, ложиться на пол и, закрыв глаза, покорно ждать, пока Феликс не «отпустит ему грехи». Феликс поднимался по лестнице, окруженный четырьмя телохранителями, которые оставались за дверью, и на то, что там происходило, смотреть не дерзали. Трижды обходил Феликс вокруг растянувшегося на полу Бута, — в большом классе не слышно было и

дыхания, — и с размаху садился верхом на живот своей жертвы. После этого Бут мог подняться.

Когда Феликс чувствовал, как дрожит и растекается под ним жирное тело Бута, он испытывал неодолимое желание прилечь отдохнуть. Ему казалось, что грехи Бута действительно проникают в его собственную плоть; животная апатия толстяка искушала его; возникла общность, которая ему самому была противна.

Бут родился в семье огородника, от него исходил мирный запах снятых с грядки овощей; Феликса тянуло к этому запаху, как к яду, который обещает запретное блаженство. Сопенье Бута манило его, и достаточно ему было, увлекшись какой-то целью, каким-то делом, приблизиться к Буту, как это оказывало на него магическое действие. Бут стоял, привалившись к освещенной солнцем стене, и Феликс невольно останавливался: исходившие от Бута испарения обволакивали его. Он тряс — и ему все было мало — эту безвольную голову, застывающую в том положении, в каком ее оставили; поднимал эти вялые руки и, отпустив, следил, как они падали; погружался, изнемогая от отвращения, в Бута, как в тепловатую бездну. Свирепый пинок — и Феликс, сделав над собой усилие, вновь всплывал на поверхность.

Сон его стал беспокойным; иногда он просыпался со слезами горького желания и, потрясенный, со стыдом вспоминал, что во сне ощупывал тело Бута. И тогда с презрением и завистью он размышлял о том, что хорошо бы перевоплотиться вот в такое существо, не волнуемое ни честолюбием, ни чувством ответственности, ни тяжестью им же самим созданных себе забот или странностей, в которых нельзя никому признаться. Если бы его жертвы могли хоть одним глазком взглянуть на то, что скрывал их повелитель! Знали бы они, что он каждый раз мучительно ждет ответа на урочный оклик «как поживаешь?» Что ни за что, даже во время занятий не потерпел бы он молчанья вместо этого гнусного «так себе» и, подчиняясь какому-то внутреннему принуждению, не побоялся бы перебить учителя, чтобы получить причитающуюся ему дань. Что он считал шаги каждого, кому приказал явиться, и делал суеверные

выводы в зависимости от их числа. Что он — и это было сильнее его — в страхе и спешке оглядывал каждого, кому своим «прощай» предназначал немедленно исчезнуть, — оглядывал со всех сторон, а потом еще раз спереди и слева, как будто хотел навсегда запомнить, и что после этого для него наступали мучительные часы.

Как легко было тем, кто отдался его воле и его власти и спокойно спал. Но стоило ли мечтать о таком обыденном, тупом существовании? Ах, порой было бы истинным благодеянием иметь кого-нибудь, кто повелевал бы тобой и снимал с тебя все заботы. Феликс поднимался среди ночи, подходил со свечой к зеркалу и выполнял приказы своего визави: «Высунь язык! Приложи ко лбу два пальца!»

«Что за чепуха! Ведь это же опять я сам!» И он с досадой отворачивался от своего отражения.

А потом он мстил тем, кому было так легко, испытывая их долготерпение.

— Рунге, плюнь Буту в лицо! А теперь Бут — Веку. А Беек — Граупелю. — И так далее.

И они подчинялись! Это было как в сказке.

— Кто плюнет другому в нос, будет моим телохранителем!

А про себя он думал: «Неужто они не понимают, что делают? Они в восторге! Почему они вынуждают меня так страстно презирать их? И вот я одинок. В меня никто не плюет, — им это и в голову не приходит. А мне так хочется! Я знаю, что нельзя, но мне ужасно хочется...»

Он вытащил Бута из свалки и с возбужденным лицом зашептал ему что-то на ухо. Бут в испуге взглянул на него.

— Ну же! — прошептал Феликс, и так как Бут стоял в нерешительности, он занес руку: — Или — или!

Бут тяжело отступил назад и на глазах у всех плюнул Феликсу прямо в лоб.

Настало тягостное молчание. Феликс беззаботно засмеялся.

— Теперь давай играть по-новому. Я буду выполнять все, что скажет Бут.

Толпа взглянула на Бута и издала радостный крик облегчения.

— Ну, Бут? Скажи что-нибудь! Что ты мне велишь делать? Не знаешь? Ну скомандуй хоть — направо!

Бут растерянно молчал, и вся толпа присмирела.

— Может, проскакать на одной ножке? Неужели у тебя совсем нет фантазии? Прикажи мне хоть то же, что я тебе приказывал.

Бут недоверчиво отважился:

— Подними руку! Опустит!

Феликс повиновался; а больше Бут ничего не мог придумать.

Но на каждой перемене Феликс возвращался к новой игре. Он подсказывал Буту, что он должен делать.

— Ты можешь требовать от меня все, что я требовал от тебя. Слышишь: все... Ну, что тебе полагалось делать в это время?

— Получать отпущение грехов,— ответил Бут и хотел уже идти.

— Нет, я!

Феликс поднялся в класс и, закрыв глаза, лег на пол:

— А что дальше, Бут?

Кто подталкивал Бута, а кто удерживал.

— Ну, дальше, Бут!

Бут вошел спотыкаясь. Обошел вокруг Феликса один раз, другой и третий.

— А что теперь, Бут?

Все затаили дыхание. Поднеся палец к губам, Бут таращил глаза на Феликса.

— Нет, не пойдет! — сказал он и отвернулся,

— Ты должен, Бут!

— Не заставляй его! — закричала с негодованием толпа. И сколько бы Феликс ни требовал, он встречал все то же тупое сопротивление. Тогда он изобрел другое средство сделать Бута своим господином.

— Бут, куда ведет дорога? Прямо или вокруг дерева?

Бут нерешительно отвечал, Феликс выполнял предписание, и все одобрительно смеялись.

Пришло время школьных экскурсий.

— Бут, куда ведет дорога? По мосту или через ручей?

И Бут, собравшись с духом, кричал:

— Через ручей!

Феликс прыгал вниз, даже не сняв башмаков.

Пока звенел звонок, он успевал быстро спросить:

— Бут, куда ведет дорога?

— На лестницу! — отзывался Бут.

«Если бы он сказал — домой, — думал Феликс, — я должен был бы подчиниться. У меня не было бы выхода».

Еще одна возможность манила его и пугала.

— Дорога может проходить и под партами, — пояснил он как-то и на следующем уроке спросил:

— Бут, куда ведет дорога?

— Под парты, — ответил Бут и закрыл глаза от страха. Когда он открыл их, Феликса уже не было.

— Зачем он туда полез? — удивился учитель.

Весь красный, с блуждающим взором, выбрался Феликс из-под последней парты. О, это дикое самоистязание, это самоотвержение, с которым он отдавался новой игре! Ощущение было более полным, чем когда они по его приказанию колотили друг друга. С затаенной сладострастной гордостью видел он, как их испытующие взоры загораются злорадством.

До сих пор у Феликса не было друзей, вне школы он ни с кем не встречался. Теперь он был неразлучен с Бутом, приносил ему уже выполненные уроки, просиживал у него часами и выжидательно смотрел на него.

— Бут, куда ведет дорога?

— В угол... По лестнице семь раз вверх и вниз... В собачью конуру. — На этом фантазия Бута обычно истощалась. Но неожиданно он напал на мысль извлечь из всего этого практическую пользу: — В булочную, за яблочным пирожным.

И он повторял это все время, пока мать не перестала давать Феликсу деньги.

— Бут, куда ведет дорога?

— В болото!

И Феликс выбегал за калитку, пробирався сквозь

кустарник, прислушивался, краснея и бледнея, к лесным шорохам и звукам и с облегчением, как будто ему даровали жизнь, вздыхал, заслышав кваканье болотных лягушек.

В школе Бут теперь хвалился своей властью над тем, кто был грозой для всех. Но получал за это только тумачи. Феликс хотел было обратить это в шутку, но сразу же устыдился своего притворства и объявил:

— Бут — мой друг, какое вам дело?

На него поглядывали с неодобрением и страхом; шушукались по углам; порой его настигали дерзкие взоры; какой-то карапуз, подлетев, спросил невинно:

— Что, Бут разве сильнее тебя?

И Феликс, покраснев, опустил голову. Все молчали.

Полное счастье, о котором мечтал Феликс, должны были принести летние каникулы, когда они с Бутом останутся одни. Он добился от матери, чтобы она оплатила пребывание на Уклеязее также и сына садовника. Крестьянский дом стоял наполовину в воде. Мальчики удили рыбу прямо из окна. На темной от лесистых берегов воде качалась их неуклюжая лодка. Феликс швырял палки в воду — это были торпеды — и докладывал Буту, своему капитану, об одержанной победе. Буту нравилось гордо подавать команду. Но когда Феликс отобрал у него одну из палок, которую сам же достал из воды, и стал уверять, что это акула и что он спас своего капитана, проткнув ей пасть и брюхо, Бут отказался играть, заявив, что все это чепуха, и растянулся на дне лодки.

— Бут, куда ведет дорога?

— В воду, лодку тащить.

Феликс поплыл и потащил на буксире лодку. Он утомился.

— Бут, куда ведет дорога?

Бут лежал, закинув руки под голову, моргал, сопел, наслаждался. В полусне вспоминал он время, когда был на побегушках у Феликса, трясся перед ним и ждал отпущения грехов.

— Дальше, — буркнул он.

Через некоторое время Феликс должен был признаться:

— Я не могу больше. Куда ведет дорога?

Бут придумал что-то новое.

— К...— Но он одумался и добродушно крикнул:—
В лодку.

— Что ты хотел сказать, Бут?

Феликс никак не мог успокоиться. И Бут наслаждался его волнением. Ночью его растолкали. Феликс в одной рубашке стоял перед его кроватью.

— Бут, куда ведет дорога?

— Черт подери, ты мне надоел. К рыбам, на дно! —
Но в следующее мгновение он закричал: — Нет! Не к рыбам! В постель!

Феликс нерешительно спустился с подоконника.

— Но ты же сказал...

— Это я нарочно. Чтобы ты не приставал.

— Но ты все-таки сказал это.

Утром первыми его словами после беспокойного сна, и так неустанно, день за днем, было:

— Так дорога, правда, не ведет к рыбам, на дно?

— Ну да,— отвечал иной раз Бут, но тут же оставливал Феликса.

Занятия в школе возобновились. Феликс явился бледный, осунувшийся, с застывшим взглядом. Его не трогало ни то, что творилось кругом, ни то, что рассказывал школьникам Бут, ни их хихиканье, когда он появлялся. Время от времени кто-нибудь подходил к нему, толкал его плечом, и, отрекшись таким образом от бывшего властелина, с кислой и строгой физиономией шел дальше. Опустив глаза, Феликс ходил по пятам за Бутом и все что-то шептал. Бут, как и другие, толкал его плечом.

— Не знаю,— говорил он, а Феликс с мукой в голосе бормотал:

— Но ты же сказал...

Однажды утром он не явился. Только на второй день обнаружил Бут среди своих тетрадей записку, в которой Феликс писал: «Дорога все-таки вела на дно, к рыбам».